

Ричард Тимберлейк

ЗАВЕРШАЮЩИЙ КОММЕНТАРИЙ К ДЕНЕЖНОЙ ПРОГРАММЕ САЛЕРНО¹

В этом последнем ответе я не собираюсь заново перечислять различия между аргументами Салерно и моими. Читатель сам для себя должен решить, какие части наших концепций наиболее логичны и полезны для трактовки анализируемых событий. Я считаю, что ничто в последних объяснениях Салерно не опровергает ничего из того, что я доказывал. Однако я должен исправить некоторые из его заблуждений.

И Салерно, и я защищаем свободный рынок и другие характеристики общества, где правят предпочтения индивидов и минимальное конституционное правительство. Здесь у нас много общего. Однако очевидно, что мы говорим — возможно, недостаточно убедительно — о разных инструментах и разных подходах к анализу денежных потрясений, особенно в том, что касается «Большого потрясения» 1929–1941 годов. Похоже, что Салерно даже не прочь изменить временные границы этого неравновесия: с 1921 года и до, возможно, настоящего времени. На самом деле, если последовательно применять его (и Ротбарда) доктрину, то финансовые рынки не были стабильны с 1858 года, поскольку, начиная с Гражданской войны, денежная масса не управляется исключительно наличием драгоценных металлов и ее объем не определяется наличным количеством драгоценных металлов. Таким образом, Великое сжатие и Великая депрессия должны быть лишь двумя из множества великих сжатий и великих депрессий на протяжении жизни последних пяти поколений. Чем же так уникален период с 1929 по 1941 год? Почему именно эта экономическая депрессия была столь глубокой, столь продолжительной и не поддающейся «терапии» со стороны денежных властей?

Салерно пишет, будто я не упоминаю о том, что рост денежной массы в 20-х годах «также увеличил цены на капитальные товары относительно цен на потребительские товары». Это несоответствие, как он утверждает, привело к росту цен на рынке недвижимости и фондовом рынке — «Австрийская теория делового цикла» (АТДЦ). Кроме того, добавляет он, все про-

¹ *Timberlake R. Final Comment on Salerno's Monetary Program // Ideas on Liberty. 2000. September, pp. 47–48.*

центные ставки «были понижены», по-видимому, в результате «увеличения» массы денег Федерального резерва.

Эта смесь утверждений неверна от начала до конца и не была подтверждена никакими эмпирическими исследованиями. Масса денег, создаваемых Федеральным резервом, уменьшалась на всем протяжении этого периода, тогда как деньги, основанные на золоте, номинально увеличились. Действительно ли цены на потребительские товары уменьшились относительно цен на капитальные товары? Где эмпирическое измерение этого явления? В соответствии с какими нормами можно судить об этой разнице? Когда в прошлом во время колебаний конъюнктуры деньги попадали в экономику из любых источников, имела ли место несоразмерность в увеличении цен на капитальные и потребительские блага?

Я поднимаю эти вопросы потому, что те, кто исповедуют «австрийскую» экономическую теорию, в основном, или вообще, не задаются ими и не дают на них ответа. Они утверждают логические возможности, такие как АТДЦ, но не предлагают никаких эмпирических доказательств для их обоснования. Поэтому несмотря на то, что в австрийской теории содержится много ценного, ее вес среди традиционных экономистов невелик, особенно это относится к вопросам, касающимся денежного обращения.

Салерно также заявляет, что я и монетаристы «не замечаем движения реальных цен». Как можно всерьез выдвигать такие обвинения, находится выше моего понимания. В действительности, наиболее важное назначение индексов цен — это разграничить денежные цены и реальные цены. Любой, кто потрудится изучить мои работы и работы любых монетаристов, увидит, что большое место в них занимают реальные денежные цены.

Обсуждая, что следует включать в денежную массу, я предложит тест Йигера: отрабатывается ли резкое изменение в предложении того, что претендует называться деньгами, в рамках конкретного рынка, не вызывая макроэкономических потрясений, или масштабные изменения в предложении на этом рынке распространяются на все (или многие) остальные рынки? Очевидно, что этот тест не позволяет рассматривать в качестве денег сберегательные вклады, ссудо-сберегательный паевой капитал и выкупную стоимость полисов по страхованию жизни. Эти элементы, хотя и являются богатством, не обладают свойствами денег — как не обладает ими недвижимость и обыкновенные акции. Однако, это опять-таки вопрос, который можно проверить эмпирически. Когда-то я это сделал и получил некоторые ответы. Разумеется, эти ответы не окончательны; в них можно вносить изменения или опровергать, но только не путем досужего теоретизирования на основе якобы «неопровержимой» доктрины.

Три статьи, опубликованные мной в прошлом году в «Freeman: Ideas on Liberty», заканчиваются выводом, что Великое сжатие и Великая депрессия были результатом плохой политики центрального банка и Министерства финансов. «Хороший» центральный банк, такой, каким сегодня является Федеральный резерв, никогда не допустил бы подобной катастрофы. Тем не менее этот вывод не оправдывает существования института централь-

ного банка и его вмешательства в процесс создания денег. В другом своем исследовании я обнаружил, что частным образом задуманный и управляемый «центральный банк» — неформальная система расчетных палат — лучше функционирует в роли кредитора последней инстанции. Вообще говоря, подразумевалось, что Федеральный резерв станет государственной расчетной палатой; но он ей не стал из-за отсутствия частных стимулов делать правильные вещи в правильное время.

Повторю еще раз, расчетные палаты появились на свет только из-за жесткости и осложнений, накладываемых на банковскую систему государственной политикой в банковской сфере. Если бы свобода нововведений и производства в банковской сфере была сравнима со свободой в компьютерной индустрии, вполне вероятно, что мы стали бы свидетелями прекращения не только Великих сжатий и Великих депрессий, но и сжатий и депрессий меньшего масштаба. Я с нетерпением жду этого дня.